

УДК 811.161.1

**СЕМАНТИКА ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ *СИНИЙ*
В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ПЕРЕВОДЕ БИБЛИИ
В СОПОСТАВЛЕНИИ С ОРИГИНАЛЬНЫМИ
И ПЕРЕВОДНЫМИ БИБЛЕЙСКИМИ ТЕКСТАМИ**

© 2011 г.

Е.А. Кожемякова

Чувашский госуниверситет им. И.Н. Ульянова, Чебоксары

ekozhemyakova@yandex.ru

Поступила в редакцию 17.02.2011

Анализируется употребление, семантика и символика цветообозначения *синий* в старославянском переводе Библии в сопоставлении с оригинальными и переводными библейскими текстами.

Ключевые слова: цветообозначения, семантика, этимология, символика, библейские тексты.

Вопрос об использовании названий цвета в Библии находится в русле проблем лингвистического анализа сакральных текстов, где цветообозначения играют немаловажную роль в реализации принципа «двойного реализма», лежащего «в основе сакральной литературы» [1, с. 14]. В данной статье рассматривается употребление в библейских текстах цветообозначения *синий*, в качестве исходного пункта для анализа берется церковнославянский текст Елизаветинской Библии. Выбор обусловлен стремлением исключить наложение современного восприятия и приблизиться к древней семантике данного цветообозначения. Нами привлекаются тексты Танаха, Септуагинты, Синодального перевода, чтобы проследить возможные отличия и изменения в употреблении данного цветообозначения.

Наибольшее количество употреблений цветообозначения *синий* приходится на книгу Исход, где оно и его производные употреблено 18 раз. Данное название цвета использовано здесь в описании покровов скинии и одежд первосвященника. Собственно прилагательное *синий* имеет 4 употребления в сочетании со словом *кожи*, в остальных случаях мы встречаемся с производным *синета* [2]. По данным различных источников, *синета* – это пряжа, окрашенная в голубой цвет [3, I, с. 168]. В Синодальном переводе употреблений данного прилагательного меньше, так как слову *синета* соответствуют сочетания *шерсть голубая*, *голубого цвета* [3, I, с. 168].

Как известно, два названных перевода Библии имеют разные первоисточники. В положении в основу Елизаветинской Библии тексте

Септуагинты [4] в этих контекстах употреблено слово *ἰακίνθινος* «гиацинтовый, темно-красный, фиолетовый, вообще темный» [5, с. 1265]. Оно является отпредметным цветообозначением, эталон которого может быть окрашен в различные оттенки темного красно-фиолетового тона, поэтому оно наиболее точно передавало окраску, названную в оригинале.

В источнике для Синодального перевода – тексте Танаха – для обозначения цвета шерсти употреблено слово *texelet* – *təkēlet «purple wool» «наименование тканей или шерсти, окрашенных пурпурной краской» [6, с. 236]. Краситель пурпур, получаемый из улитки, был способен окрашивать ткани в те же оттенки от красного до темно-фиолетового. *Texelet* был, по мнению исследователей, ближе к сине-фиолетовой части спектра [6, с. 236].

В сочетании со словом *кожи* в славянской и греческой Библии употреблены те же цветообозначения *синий* и *ἰακίνθινος* «гиацинтовый». В тексте Танаха в этих сочетаниях нет цвета. Упоминаемые в анализируемых библейских контекстах *кожи сини*, «образующие 4-й покров скинии, – это «кожи «тахаш», – от какого животного, дельфина, тюленя или морской породы, они добывались, неизвестно» [3, I, с. 162]. Однако в Синодальном переводе здесь используется сочетание *кожи синие* [3, I, с. 162].

Символическое значение цветообозначения в этих книгах, в описании священного места и священных одежд, связано с традиционным для многих культур восприятием синего цвета как божественного: это цвет неба, а потому символизирует чистоту, святость, таинственность, духовность. Однако часто цветообозначения

имеют амбивалентную символику, связанную с присутствием в их семантике различных компонентов. То же можно отметить и для цветообозначения *синий*.

Прилагательное *синий* в церковнославянском тексте Библии встречается в сочетании *сини очи* (Притч. 23:29) со спорным значением. А.Н. Лопухин, комментируя данный отрывок, отмечает: «В редкой по изобразительности форме изложена картина губительных следствий пьянства» [3, I, с. 927]: *Кому горе, кому молва, кому судове, кому горести и свары, кому сокрушения, кому сини очи* (Пр.23:29) [2].

В Септуагинте – основе старославянского перевода – в данной строке употреблено цветообозначение $\pi\acute{\epsilon}\lambda\lambda\epsilon\iota\omicron\iota$ ($\omicron\iota$ $\delta\omicron\phi\theta\alpha\lambda\mu\omicron\iota$) – «темно-синий, почерневший» о цвете затекших мест в теле» [5, с. 969]. Здесь анализируемое прилагательное можно понять как ‘с синяком’. Казалось бы, такое значение вполне оправдано в подобном контексте и соответствует одному из значений ст.-сл. и др.-рус. *синий* (ср.: *Оже придет кровавь mouже на дворь или синь*. Р.Прав.Яр.; *Кто биець друга дбревьмь, а боудьте синь, любо кровавь...* Смол.гр. 1229 г.; *За ... синюю рану пятнадцать бль*. Уст.гр. 1397 г. [7, I, с. 356–357]).

Однако в Танахе в этом контексте используется цветообозначение *hakił [6, с. 148], а подстрочный перевод предлагает здесь сочетание «багровость глаз»: *У кого ссоры, у кого плач, у кого напрасные раны, у кого багровость глаз?* [8]. В Синодальном переводе, сделанном с текста Танаха, оно также соответствует сочетанию *багровые глаза*: *У кого вой? у кого стон? у кого ссоры? у кого горе? у кого раны без причины? у кого багровые глаза?* (Пр.23:29).

Такое значение также вполне оправдано контекстом, осуждающим пьянство, однако это слово в Танахе употреблено еще и в книге Бытия в сочетании со словом *глаза* в описании внешности Иуды, сына Иакова. В подстрочном переводе, как и в предыдущем контексте, использовано название красного цвета: *Красен глазами от вина и бел зубами от молока* [8]. В этом контексте *красные глаза* не вполне объяснимы, поскольку здесь описывается красота Иуды, а сочетание *красные глаза* воспринимается негативно и явно противоречит контексту. Это приводит к использованию в переводах прилагательных с положительной окраской.

Синодальный перевод предлагает здесь значение «блестящий»: *блестящи очи [его] от вина, и белы зубы [его] от молока*. В Септуагинте употреблено слово $\chi\alpha\rho\omicron\lambda\omicron\iota$ ($\omicron\iota$ $\delta\omicron\phi\theta\alpha\lambda\mu\omicron\iota$) «сверкающие» – со сверкающим взором, обра-

зовано от ... с веселым взором» [5, с. 1339]. В церковнославянской Библии это сочетание переведено без использования названия цвета: *Радостотворны очи его паче вина, и бльы зубы его паче млека* (Быт 49:12) [2]. Однако сомнительно, что в данных случаях (в сочетаниях со словом *глаза*) можно говорить о произвольной замене в Септуагинте, соответственно и в церковнославянском тексте, цветообозначения с одной семантикой на совершенно иное – «багровый» на «с синяком» или «сверкающий».

Ю.М. Лотман объясняет эту разницу в переводе несопадением моделей цветового пространства: «Если в древнерусском языке (XII в.) ... «синий» – иногда синоним «черного», иногда – «багрово-красного», «серый» означает наш «голубой» (в значении цвета глаз), «голубой» же – наш «серый» (в значении масти животного и птицы), если небо никогда не называется в текстах XII в. голубым или синим, а золотой цвет фона на иконе, видимо, для зрителя той поры вполне правдоподобно передает цвет небес, если старославянское: «Кому сини очи, не пребывающим ли в вине, не назирающим ли кде пирове бывають» – следует переводить: «У кого же багровые (налитые кровью) глаза, как не у пьяницы, как не у того, кто высматривает, где бывают пиры», – то ясно, что мы имеем дело с совсем иными моделями этического или цветового пространства» [9].

Этимологический анализ позволяет обнаружить у др.-евр. *hakił иную семантику, отличную от значения слова *багровый*, имеющую много общего с семантикой его соответствий в древних переводах Библии. По мнению М.С. Булах, *hakił следует переводить не как «красный» или «багровый», а как «темный»: «.. темнее очами, чем вино, и белее зубами, чем молоко» [6, с. 148], менее вероятной она считает интерпретацию «блестящ очами от вина, и бел зубами от молока». Противоречия и кажущиеся несоответствия переводов снимаются, если не переносить современный взгляд на семантику цветообозначений на их древнее состояние, ведь их можно лишь условно назвать цветообозначениями в современном смысле. При этом поразительное сходство обнаруживается между семантикой старославянского и древнерусского прилагательного *синий*, восходящего к общеславянскому *sinъ, и древнееврейского *hakił.

По мнению М.С. Булах, «... в Книге Притчей и в Книге Бытия прилагательное *hakił обозначает один и тот же цвет. В обоих случаях вино фигурирует как эталонный объект этого цвета... Очевидно, в данном случае не может иметься в

виду собственно красный цвет, так как красные глаза вряд ли могли упоминаться при описании красивого юноши в Быт. 49:12. Другие два признака – «блестящий» и «темный» представляются равновероятными кандидатами на вхождение в семантику *hakił [6, с. 149-150].

Сходную семантику можно обнаружить у древних праформ прилагательного *синий*. Семантика этого цветообозначения на древнем этапе является одной из самых спорных. Различные толкования связаны с его необычной, с точки зрения носителя современного русского языка, сочетаемостью. Достаточно вспомнить хорошо известные *синее вино* и *синии молнии* из «Слова о полку Игореве», а также *синии* в сочетании с лексемами *железо, сажка, эфиоп, черт, дьявол*.

В связи с этими особенностями сочетаемости исследователями выделяется множество значений праформ данного прилагательного: «блестящий», «голубой», «сероватый», «багровый», «темно-красный», «черный», «синий» [10; 11]. Такая многозначность с точки зрения современной системы цветообозначений, где главным семантическим компонентом служит «цветовой тон», необъяснима: *синий* называет в приведенных сочетаниях совершенно разные цвета и признаки. Именно включение данного цветообозначения на древнем этапе в «систему «синего» цвета» [10] вызывает трудности и противоречия в объяснении его семантики. Если данное прилагательное определяет предметы столь разные по цветовому тону, значит, семантический компонент «синий» в его значении явно не является главным, если вообще выделяется. Более объективно определить структуру его семантики в диахронии, безусловно, позволяет этимология.

Индоевропейский корень общеславянского *sinjь исследователи восстанавливают несколько по-разному. М.А. Суровцова, со ссылкой на И. Покорного, возводит о.-с. *sinjь к и.-е. *ki: kēi и приводит параллели, некоторые из которых имеются и в словаре М. Фасмера: лит. šemas «сине-серый, синий» [11, с. 153], «пепельного цвета, сероватый» [12, III, с. 624]; лат. sītex «клоп» (темной окраски); др.-инд. sūmāh «черно-серый, черно-зеленый, черный», šuavāh «черно-коричневый, темный» [11, с. 153], suāmās «черный, темный» [12, III, с.624].

М.А. Суровцова считает трудным определить первоначальное его значение, ссылаясь на мнение П.Я. Черных, допускает, что «это было «сияющий, блестящий»» [11, с.153].

П.Я. Черных, считая, что корень о.-с. *sinjь *si- тот же, что в о.-с. *sijati и *sivъ [13, II, с.163],

возводит его к (*sk'ai-: *sk'ei-): skī (>*ssijati) «блестеть», «мерцать»: гот. skeinan «сиять», «светить», «блестеть»; др.-в.-н. skīnan (совр. нем. scheinen) – тж.; др.-исл. skīna (совр. исл. skina) – тж.; англосакс. scīnan (совр. англ. shine) – тж.; греч. σκία «тень»; алб. hije – тж.; др.-инд. chāyā «сияние» (также «отражение», «тень») [13, II, с. 166].

Учитывая, что параллели, приводимые исследователями непосредственно к слову *синий*, обозначают цвета темные, но различные по тону, можно предположить, что значение индоевропейской праформы *ski-n-jo-, производной от индоевропейского корня со значением «сиять, блестеть, мерцать», состояло из компонентов «светящийся» + «темный» и не имело компонента «цветовой тон». В славянских языках цветовые значения слов, восходящих к общеславянскому *sinjь, оказываются связанными с синим и серым, причем преимущественно темными их оттенками. Компонент «светящийся», вероятно, переместился на периферию значения, однако не был утрачен полностью, так как сохранялся и в древнерусском языке. Кроме того, значение «сияющий», «блестящий» было характерно для всех славянских языков.

Таким образом, семантика праформ прилагательного *синий* и древнееврейского *hakił «блестящий + темный» сходна. Кажущееся противоречивым объединение в одном значении этих древних цветообозначений таких разных компонентов, как «светящийся (блестящий)» и «темный», на наш взгляд, оправдано, хотя однозначное объяснение этому дать сложно. Возможно, «темное свечение» – это мерцание темной поверхности; возможно – сияние в темноте (молнии, звезд). Можно также предположить, что в древности любой цвет воспринимался как свечение, свет, и поэтому компонент «светящийся», мотивированный внутренней формой, входит в значение многих древних цветообозначений, изначально являющихся фактически цветообозначениями. Ведь цвет как феномен человеческого восприятия существует только на свету, цвета распознаются хуже во время вечерних сумерек и исчезают с наступлением темноты. Темная, но не черная поверхность обладает неким свечением, которое можно представить как «просвечивание» света через темноту, дающее появление темного тона. С точки зрения В.В. Колесова, древнерусское *синий* – это «блестящий черный, черный цвет с блеском» (в нашей терминологии «темный» + «светящийся»). Действительно, общеславянское значение прилагательное сохраняет в сочетаниях *синии мълнии, синее вино, сини яко сажка, синя луна*

[14, с. 34–35]. Особенно характерно в смысле сопоставления семантики прилагательных *синий* и **hakiil* сочетание *синее вино* из «Слова о полку Игореве»: оба слова выступают в контексте со словом *вино*. Таким образом, мы видим тут не противоречие переводов, а, наоборот, очень точное соответствие.

Сходство можно обнаружить и в других случаях. Так, по мнению М.С. Булах, **hakiil* возводится к корню **hkl* «быть темным». Его субъектами «являются светлые предметы, изменившие свой цвет, потемневшие в результате внешних причин: мрачный день, померкшее солнце, луна, звезды. Применительно к лицу, настроению «мрачный, печальный»» [6, с. 147]. Прилагательное *синий* в древнерусском языке также способно характеризовать молнию и луну [7, I, с. 356–357], реализуя общеславянское значение «сияющий темный».

Наличие в семантике данного слова компонента «темный» обуславливает проявляющуюся в древних текстах отрицательную оценочность, *синии* передает «темные» отрицательные цветовые характеристики» [15, с. 128] в «Слове о полку Игореве», где эпитет *синий* «подчеркнуто связан с половцами и несет негативный смысл, в том числе и в выражении *синие молнии*, которое употребляется в символическом значении. *Черные тучи*, идущие с моря, – это полчища половцев, надвигающихся на русских, а *синии молнии* – это сверкающие половецкие сабли» [16, с. 197]. Это прилагательное используется для определения дьявола [7, I, с. 356–357]. Негативная окрашенность прилагательного *синий* вполне соответствовала описанию губительных последствий пьянства в Пр. 23:29, реализуя весь комплекс символических значений в сочетании *сини очи*. Однако именно в силу негативной окраски данное прилагательное не могло быть употреблено в Быт.49:12 в положительно окрашенном контексте. В связи с этим интересным представляется изучение вопроса о наличии символических значений у древнееврейского **hakiil*, не входящего в группу основных цветообозначений древнееврейского языка Библии [17] и способного употребляться в таких противоположных по коннотациям контекстах.

Таким образом, слово *синий* в церковнославянском переводе Библии обнаруживает все особенности древней семантики; черты сходства и различия в употреблении соответствий в других оригинальных и переводных текстах Библии зависят от времени их создания, поскольку древняя семантика цветообозначений значительно отличается от современной.

Список литературы

1. Клименко Л.П. Словарь переносных, образных и символических употреблений слов в Псалтири. Часть I. Нижний Новгород: Изд-во «Братство Александра Невского», 2000.
2. Библия сирьчь книги Священного Писания Ветхаго и Новаго Завета. Электронное издание (репринт 1900 г.). <http://www.ccel.org/contrib/ru/Sbible/slavpdf.htm> (дата обращения 14.04.11).
3. Лопухин А.Н. Толковая Библия или комментарий на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов: в 3 т. М.: Институт перевода Библии, 1987.
4. Септуагинта. <http://ihtys.narod.ru/index.html#sept> (дата обращения 14.04.11).
5. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. СПб, 1899.
6. Булах М.С. Цветообозначение семитских языков в этимологическом аспекте. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.
7. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка: в 3 т. М.: Книга, 1989.
8. Танах с параллельным текстом на русском и иврите. <http://www.chassidus.ru/toraonline/> (дата обращения 14.04.11).
9. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. - http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Lotman/_01.php (дата обращения 14.04.11).
10. Норманская Ю.В. Генезис и развитие систем цветообозначений в древних индоевропейских языках. М.: ЗАО «С&К», 2005. 400 с.
11. Суровцова М.А. Выражение цветовых значений в общеславянском языке // Этимологические исследования по русскому языку. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. Вып. 8. С. 136–154.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1987.
13. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Рус. яз., 1994.
14. Колесов В.В. О синем море, сизом вороне и черной кручине, а также о самом красивом цвете // Колесов В.В. История русского языка в рассказах. М.: Просвещение, 1982. С. 27–40.
15. Пименова М.В. Цветовой фольклорный эпитет в контексте «Слова о полку Игореве» // Язык жанров русского фольклора. Петрозаводск: Изд-во Петрозав. ун-та, 1985. С. 125–131.
16. Соколова Л.В. Цвет в «Слове...» // Энцикл. «Слова о полку Игореве»: в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 5. С. 195–201.
17. Bulakh M. Basic Color Terms of Biblical Hebrew in Diachronic Aspect // Babel und Bibel 3, 2006. Pp. 181–216.
18. Александров Н. Тет-а-тет. Беседы с европейскими писателями. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2010. 416 с.
19. Силард Л. К вопросу об иерархии семантических структур в романе XX века // Hungaro-Slavica. Budapest, 1983.
20. Lindgren S. Förord // Gogol N. Kappan. I översättning och med förord av Stefan Lindgren. Stockholm: Fabel Förlag, 1994. 78 s.

**THE SEMANTICS OF THE COLOR TERM *BLUE* IN OLD SLAVONIC TRANSLATION OF THE BIBLE
IN COMPARISON WITH THE ORIGINAL AND OTHER TRANSLATED BIBLE TEXTS**

E.A. Kozhemyakova

The article describes the use of the adjective *blue*, its semantics and symbolic meanings in Old Slavonic translation of the Bible in comparison with the original and other translated Bible texts.

Keywords: color terms, semantics, etymology, symbolic meaning of color terms, Bible texts.